

1-4 декабря. Билибино

Дорогой Борис Исаакович!

Пишу Вам с самой Чукотки. Отыщите на карте Билибино и ужаснитесь, сколь это далеко.

Почему я оказался именно здесь — узнаете из письма. И еще. Поскольку Вы искусствовед, я могу рассказывать о добыче золота без риска быть обличенным в невежество. Ведь кроме того, что в слове «добыча» ударение надо ставить на первый слог, я о золоте ничего не знаю. Зато мы можем оценить лирическую сторону золотодобычи, которую сами добытчики не всегда замечают. Хотя и среди них встречаются поэты.

Я знаю одного такого «поэта», быть может, самого крупного и авторитетного среди золотодобытчиков. Правда, он стихов не пишет, но говорит так, как разговаривал лишь Сократ. Я изредка прихожу к нему на работу и завожу разговор. Вскоре я замолкаю и только слушаю. Если в это время кто-нибудь заходит, он тихо придвигает стул и тоже слушает. Если еще десять человек придут или даже сотня, то и они, разместившись на стульях, столах и подоконниках, также внимают рассказчику, стараясь его не отвлекать, потому что прервать Вадима Ивановича — значит прервать спектакль.

Не менее, чем речь, любопытна пластика главного лирика золотодобычи, его движения, жесты и мимика. Невозможно, например, оторвать глаз от его могучих рук. Друзья жаловались, что не могут подобрать Вадиму Ивановичу ремешок для часов: все они оказывались короткими и никак не сходились. Представьте, Вадим Иванович держит все одинаково: телефонную трубку, ручку, ложку, вилку, лопату, кайло, рычаг экскаватора —

и если бы делал операцию, то и скальпель держал бы точно так же — всей кистью, в обхват, сжимая хирургический инструмент здоровенным кулаком. И не зарезал бы!

А взгляд Вадима Ивановича! Его глаза, брови, уши... Кто-то из русских философов сказал, что мы к старости выслуживаем свое лицо, как солдат — Георгия. В этом смысле лицо Вадима Ивановича выслужено не только им самим, но и всем уходящим веком. Здесь постарались вожди и генсеки, председатели и президенты, либералы и консерваторы, которые, меняя гимны, знамена и риторику, в сущности оставались одинаковыми — все они мешали Вадиму Ивановичу и таким, как он, жить и трудиться. В итоге воспроизведен образ, в котором мужество, отвага и сила соединились с хитростью и природной, поистине дикой осторожностью, явив идеальный синтез того, чем должен обладать человек в России, чтобы не пропасть. Если бы меня спросили: каким лицом должна быть представлена наша страна в двадцатом веке? — я, не раздумывая, предложил бы Вадима Ивановича.

Патриарх золотодобычи удостоился многих восторженных эпитетов и характеристик, ему посвящены стихи выдающихся поэтов, о Вадиме Ивановиче слагают песни и поют их у костров, книги о нем написаны талантливыми прозаиками и публицистами, кинофильмы снимаются непрерывно, публикациям в газетах и журналах нет числа.

Увы, все книги, песни, стихи и кинофильмы бессильны передать не только образ Вадима Ивановича, но даже небольшой штрих с его действительного портрета. Оттого в стране не все знают о Вадиме Ивановиче. А если бы узнали, увидели, услышали — он бы давно стал президентом, сидел в Кремле за большим начальничьим столом и читал свежие газеты. Мы же — его друзья и приятели — сидели бы вокруг и слушали рассказы, в то время как страна уверенно выкручивала бы из очередного кризиса.

Почему же ни один художник, сколь бы талантлив ни был, не может отразить в своих малых и больших произведениях

истинный образ Вадима Ивановича? Почему всякий, кто берется запечатлеть его, терпит фиаско и почему я никогда не отважусь на подобный шаг?

Да потому, что никакая бумага, ни одна пленка (особенно звуковая) не стерпит речи Вадима Ивановича: бумага немедленно пожелтеет и превратится в труху, а пленка тотчас размагнитится. Ведь речь Вадима Ивановича разукрашена такими словами и выражениями, что физиками еще не изобретены материалы, стойкие к этим словам. А может, таких соединений и вовсе не существует, и физики здесь ни при чем.

Подсчитаны французские вкрапления в произведениях Пушкина — более двухсот тысяч! Но никогда никто не подсчитает специфические вкрапления в речь Вадима Ивановича, потому что ни один филолог не разберет, где эти вкрапления, а где, собственно, сама речь.

Парадоксально, но в Вадиме Ивановиче нет и намека на пошлость. Крепкие выражения так гармонируют с его внешним обликом и выглядят столь естественными, что без них нет Вадима Ивановича. Без них это уже не он, а другой человек. Женщины никогда не узнают настоящего Вадима Ивановича, потому что, как человек культурный, он при дамах не выражается.

Мне не известны корни, из которых вышел говор и словарь Вадима Ивановича, откуда произошли его мимика и жестикуляция. По-видимому, искать эти корни надо в самых суровых и забытых Богом местах, главным образом в магаданских и колымских. Но знаю точно, что нет такого золотого прииска, рудника или артели, на которых бы ученики и коллеги Вадима Ивановича не использовали бы его «словарный запас», не жестикулировали бы так же, как он, и мне рассказывали, что на приисках в Африке и Южной Америке туземцы, добывающие золото, ругаются теми же словами, с такими же выражениями своих чернолицых физиономий, какое бывает обычно у Вадима Ивановича.

«Ты знаешь, — признался он однажды, — когда я слышу, как кто-нибудь называет золото — "золотишком" и у него появляется блеск в глазах... Я все сразу понимаю. Такой человек для меня больше не существует».

«У-у! Это настоящий зверюга», — говорил один сибирский писатель, написавший о Вадиме Ивановиче книгу. «Как это?» — спросил я. «А вот так. Он такую школу прошел, что вобрал все от медведя, волка и лисы... Иначе бы не выжил. Когда он идет по тайге, волки шарахаются!»

Как-то Вадим Иванович признался, что в молодости не ругался вовсе. Но с годами... «А как еще можно выразить свое отношение к какой-нибудь мрази? — спрашивал Вадим Иванович. — Сказать, что он сволочь, подонок или негодяй? Но это так мало для тех, кого я на своем веку повидал. Это почти что ничего не сказать... Это все равно что их похвалить...»

Видимо, брань наша матерная еще и оттого, что хроническая неустроенность понижает порог подлости, в то время как язык — великий и могучий — не поспевает формировать равнозначные приличные слова. Приходится применять неприличные укрепляющие выражения, и без того крепкие...

Так вот, я пришел к Вадиму Ивановичу, полагая, что у него на Чукотке есть друзья. Чукотка — не Рязань, куда взял да махнул, когда вздумается. На Севере без участия крепких людей не обойтись. Я обратился к Вадиму Ивановичу и рассказал ему о замысле книги.

Сидя за своим рабочим столом перед стопкой свежих газет — Вадим Иванович их исправно просматривает и кроет всех подряд, — он внимательно слушал меня минуты две или три, затем перебил, взял читанную только что газету и дал краткие характеристики руководителю государства и главе правительства, спикерам обеих палат Федерального Собрания, руководителям силовых ведомств и некоторым ключевым министрам, а также руководителям парламентских фракций и самим фракциям. После этого он отложил газету и спросил, чего мне надо.

Я повторил просьбу, но Вадим Иванович всё еще находился под впечатлением от прочитанного. О чем была статья — можно судить по истории, которую тут же вспомнил Вадим Иванович.

«Ты знаешь, когда я впервые увидел [...] Чубайса, я вздрогнул [...]. Однажды на Колыме появился один рыжий [...] с такими же [...] глазками... Как же его звали?... Только он почему-то все время ходил в шапке, даже летом. Ребята шутили: "Наверное, сука, знает, что когда-нибудь по голове достанется." Он был [...] зубным техником, и, наверное, неплохим, потому что действительно умел делать зубы. Кто поблатнее, тем из более чистого золота, кто попроще — из обыкновенного, а тем, кто в шахтах работал, он лепил не из золота, а [...] из латуни, из разной гадости, может, из бронзы или из меди. И, конечно, во рту от этого все портилось [...]. А тогда [...] фиксы, хотя бы одна, были в моде. Как-то летом иду — а вечера на Колыме [...] светлые, — смотрю, между бараками творится что-то страшное. Человек шестьдесят или восемьдесят кого-то [...]. Спрашиваю, что [...] случилось?... А у него была кличка... Доктор Калюжный!.. Ребята говорят: "Калюжного бьют"... Так вот, поверь мне, этот Калюжный — точно как [...] Чубайс. Ну совершенно точно. Только надо шапку надеть [...]. Кстати, ему руки сломали, ноги... Колыма!.. Так чего ты хотел?» — вспомнил Вадим Иванович, отодвигая газету на край стола.

Я ещё раз рассказал о своем замысле.

Вадим Иванович надел очки, полез в стол и долго рылся в ящиках, взывая к помощнику из приемной: «Саша [...] ты не видел [...] мою тетрадку? Какая [...] у меня тут роется?» Наконец Вадим Иванович извлек старенькую школьную тетрадь и стал ее листать.

В этой тетрадке с аккуратностью библиографа были выписаны имена более трехсот друзей, товарищей и приятелей, с которыми Вадим Иванович был связан судьбой. Список также включал фамилии и клички воров в законе тридцатых, сороковых и пятидесятых годов, которых хорошо знал Вадим Иванович. Отхватывая сразу по несколько страниц — он их не перелистывал,

как это мы обычно делаем, а поддевал ладонями, отчего листки страшно мялись, — Вадим Иванович погрузился в воспоминания. Передо мной промелькнули ныне забытые герои грез целого поколения: Иван Львов, Петр Дьяков (Дьяк), Колька Турок, Вася Корж, Женька-Немец... В живых уже никого не осталось.

Вадим Иванович с грустной улыбкой отложил тетрадку: «Это были умные, интересные ребята, читающие, много думающие [...]. Понимаешь? Теперь таких почти не осталось [...]. В лагерях вели добычу золота и, конечно, воровали. Обычно в зоне крутилось килограмма два-три. Играли в карты, меняли на табак, на махорку, на спирт, на чифир... Вот и все! Но так, чтобы кто-то говорил: “Ах! Золотишко!” — таких не помню».

Наконец, Вадим Иванович сказал, что у него в Билибино есть отличный парень, Женька, и он все устроит.

Не полагаясь на память Вадима Ивановича, я тут же попросил позвонить этому Женьке, на что Вадим Иванович выругался, но все же дал команду помощнику соединить с Билибино. После нескольких минут разговора с Женькой и попутного рассказа о летчике из Алдана по прозвищу Гастелло, с которым он как-то взлетел, но в полете выяснилось, что забыли залить топливо, — Вадим Иванович стал рассказывать обо мне: «Тут у меня сидит такой [...]. Он хороший парень, хотя и [...]. Так вот, он [...] хочет [...] написать книгу [...] про Чукотку [...] про этот [...] Север и про этих, как их [...]. Ты ему помоги, Женя, а то он [...]. Ладно?»

Этих слов было достаточно, чтобы на другом конце планеты отозвались, прислушались и помогли. По-настоящему! Не лишь бы. Вот что значит Вадим Иванович, вот что такое артель, состоящая из золотых людей. И когда я благодарил Вадима Ивановича, он лишь сказал: «Да перестань [...]. Женька отличный парень! Он все сделает. Ни перед кем не унижайся [...]. Пошли всех на [...].»

Вот, дорогой Борис Исаакович, как затевалась моя экспедиция, и Вы, как искусствовед, сможете оценить эти приготовления.

Женька — это Евгений Леонидович, генеральный директор Билибинского ГОКа. Ему еще нет пятидесяти, он лысоват, но лысину компенсирует борода, словно волосы с макушки сползли на подбородок. Он человек мягкий, веселый и, кажется, крайне непрактичный. Не сразу поверишь, что это руководитель коллектива, да еще на Севере.

Евгений Леонидович прибыл на Чукотку четверть века назад после окончания института. Был рабочим, горным мастером в шахте, начальником карьера, главным инженером и директором прииска, председателем крупной старательской артели, наконец, дослужился до генерального директора. Теперь он имеет квартиру в центре Москвы, где проживает в основном его супруга Людмила, а главной задачей и даже целью считает заботу о двух дочерях. Они родились и выросли в далеком чукотском поселке Алискерово, там же пошли в школу, но заканчивают учебу уже за границей. Олеся учится в Чикаго на макроэкономиста, а Вероника — в Ирландии и готовится продолжить образование в Оксфорде. Евгений Леонидович изо всех сил помогает дочерям, пренебрегая отпусками, чтобы сэкономить деньги. Если думаете, что руководитель ГОКа имеет их немерено, — заблуждаетесь. Его зарплата, конечно, астрономическая для большинства жителей страны, но смешная, если примерять ее к мировым стандартам и тем целям, которые поставили перед собой две чукотские девушки.

Евгений Леонидович принадлежит к тем, кто стремится делать не карьеру, а профессию. Люди подобного склада не толкаются локтями, не выклянчивают должности, не выслуживаются и с иронией смотрят на все, что относится к политике. Если же их все-таки в нее втягивают, для них это мучение и пустая трата времени. На просьбы рассказать о себе и о

добыче золота Евгений Леонидович неизменно отвечает: «На кой тебе это? Лучше отдыхай». Мой приезд на Чукотку под Новый год, в то время, когда всякий стремится отсюда уехать, воспринимается им как чудачество. Он мне искренне рад, но относится ко мне примерно с тем же чувством, с каким здоровый и вменяемый человек относится к блаженному. В конце дня, где-то после восьми, он звонит: «Хватит ерундой заниматься!» — предлагая, вместо писанины, идти в сауну и париться под строганину с водкой. Он убежден, что от этого больше толку, и у меня не хватает аргументов его опровергнуть.

Евгений Леонидович не только администратор, он ученый-практик. Директор ГОКа знает самые разные технологии добычи золота и готовится к защите докторской диссертации. В его кабинете масса специализированной литературы, и вся она добросовестно штудируется. Если случится на комбинате ситуация, из которой, кажется, нет выхода, Евгений Леонидович подойдет, еще и еще раз посмотрит — и найдет. Вот его неохотный дословный рассказ о добыче золота в Билибино.

«Добыча (ударение на "о" - авт.) руды на руднике (ударение на "у" - авт.) Коральвеем производится подземным способом. Бурение шпуров производится ручными перфораторами ПР-63, с последующей отбойкой руды с применением взрывчатых материалов. Доставка руды осуществляется электровозами, после чего руда попадает в дробильное отделение, где крошится. Затем происходит процесс измельчения на мельницах. Измельченная руда через классификаторы поступает на концентрационные столы, где ее потоки распределяются методом гравитации по удельным весам. Так как удельный вес золота — девятнадцать, оно осаждается с помощью золотых головок. Далее золото очищается методом магнитной сепарации. Тонкодисперсное золото извлекается на установках гидрометаллургии. Затем полученный

концентрат плавится, и получается сплав Дорé, то есть слиток с пробностью восемьсот пятьдесят, который в дальнейшем поступает на Приокский аффинажный завод в Касимове.»

Теперь как эту картину понял я.

Несколько десятилетий назад выдающийся ученый Юрий Александрович Билибин предположил, что в этих местах должно быть много золота. Затем сюда пришли геологоразведчики во главе с Н.В.Маковским и, действительно, нашли золото. Началось строительство геологоразведочной базы. Это значит, что вслед за геологами прибыли горняки, строители, энергетики, авиаторы, автотранспортники, повара, бухгалтера, врачи... Затем прибыли их жены, а если появились жены, значит, появляются и дети. Стали вырастать один за другим поселки, и их справедливо называли именами первооткрывателей. Строились садики, школы, больницы... Поселки разрастались, а из одного вырос город, который стал районным центром, с райкомом партии, кинотеатром, райбольницей, милицией, магазинами, спортзалами, танцплощадками, музеями и жилищными конторами. Вместе с городом складывались и соединялись судьбы тысяч людей: свадьбы, рождение детей, разводы, юбилеи, радости и горести, надежды и утраты, — словом, жизнь пустила корни, развилась, разрослась, и уже остановить ее невозможно. А все потому, что существует золото, а не «золотишко»!

Легко сказать Евгению Леонидовичу пару-тройку сухих фраз, мало значащих для несведущего. А что за этими «доставками руды», «процессами дробления, измельчения и извлечения»? Кто поймет? Ведь не лопатой и кайлом добывают золото, а современным оборудованием. Как его доставить? Как установить? Как обучить работать на нем отечественных «циклопов» и как убедить их беречь эти дорогостоящие агрегаты?

Многотонное оборудование и запасные части к нему, сложные механизмы, бесчисленные дробилки, сенокосилки и

сноповязалки со шламовыми насосами, задвижками и прочим везут из Центральной России по железной дороге до Усть-Кута, небольшого города, расположенного на реке Лене в Иркутской области. Там оборудование перегружают на пароход и через всю страну доставляют на Север. Затем, миновав два моря — Лаптевых и Восточно-Сибирское, — груз плывет к устью реки Колымы в порт Зеленый Мыс, где его перегружают на баржи, которые, пройдя по Колыме и Малому Анюю, если позволяет вода, доставляют оборудование в поселок Анюйск. Наконец, из Анюйска оборудование по зимнику перевозят автотранспортом в Билибино. Тысячи километров пути — железнодорожного, водного, наземного; разгрузки, погрузки, вновь разгрузки; труд сотен, а может, и тысяч людей. Ко всему — надо уберечь оборудование от

расхищения и порчи и, кроме оборудования, необходимо завезти топливо, да так, чтобы танкер по пути не обворовали; а еще надо доставить взрывчатые материалы, продукты и многое другое и на все этапы нужно посылать сопровождающих. Это же Россия! Здесь в виноватых не тот, кто украл, а тот, у кого украли. И все надо проделывать быстро, потому что скоротечно северное лето: не успеешь доставить груз водным транспортом — будешь доставлять воздушным, что в пять, в десять раз дороже. Никакого золота не захочешь. А не завезешь — тысячи семей останутся без средств к существованию. К тому же весной от твоего оборудования ничего не останется...

Все выглядит прозаически, а взять да описать один такой завоз — получится детектив. Не случайно службы, связанные с северными перевозками, отмечают конец навигации как завершение очередного жизненного этапа, кроме навигаторов, никому до конца не понятному.

Доставка оборудования — самый хлопотный процесс.

Но вот оборудование установлено между сопками, на золотоизвлекательной фабрике (ЗИФ), и рабочие приступили к работе... Опять-таки: одно только слово — «установлено». А

попробуй установи его на скале да в сорокаградусный мороз! То одно выходит из строя, то другое, а бывает, появляется более совершенное оборудование, с помощью которого можно добыть больше золота. Здесь, как и всюду, производство сочетается с обновлением технологии.

Итак, представьте гору. Её надо аккуратно взять, раздробить в пыль и извлечь золото. Для этого в гору врезаются шахтеры, прорубают горизонтальные тоннели, соединяют их вертикально горными выработками, рубят руду и загружают в вагонетки. По словам Евгения Леонидовича, это самый трудоемкий процесс. Затем раздробленную руду вагонетками доставляют на фабрику, где она поступает в дробильное отделение — большой цех, в котором, кажется, нет неподвижного предмета. Когда смотришь на огромные вращающиеся барабаны и слышишь хруст горной породы, еще недавно бывшей миллионотонным монолитом, кажется, что находишься внутри огромной мясорубки. Масштабы поражают, но не меньше восхищает и могущество человека. В дробильном отделении честолубец может находиться долго.

После дробления измельченная в порошок гора попадает на концентрационные столы, которые трясутся и скачут, вымывая золото. Способ, немногим отличающийся от того, как вымывали золото на Клондайке или в Сибири с помощью тарелок-лотков. Больно смотреть, как весь этот концентрат, перемолка которого только что рождала в душе пафос, сливается в ведро, ничем не отличающееся от мусорного. (Здесь честолубивому человеку находиться невыносимо.)

Когда ведро наполнится, его относят в соседнее помещение, и там происходит действие вовсе комичное: в небольшой особоохраняемой комнате, за которой все время следят, находятся три стола, на каждом из которых стоят небольшие агрегаты, напоминающие кофеварки. В эти «кофеварки» насыпается концентрат; с помощью черной магнитной жидкости золото очищается от лишней дряни и, уже очищенное, попадает обратно в ведро. По заполнении, ведро с золотом уносят и

переплавляют в слитки. Затем слитки еще тепленькими складывают в обыкновенный мешок и запирают в сейф.

Это выглядит комически, потому что трудно представить, сколь масштабна золотодобыча у своего начала: реки, моря, пароходы, гигантские сопки, героизм навигаторов и шахтеров... И сколь ничтожна в конце: ведро, «кофеварка» и невзрачный желтоватый слиток в мешковине. Это кажется противоестественным, как если бы река начиналась устьем и завершалась истоком. Но золотодобытчики на подобные вещи внимания не обращают. Говорят, есть металлы еще более ценные — палладий, висмут, осмий. Там крошат и перемывают горы всего за десять-пятнадцать граммов!

По словам директора ГОКа, в двухтысячном году рудник должен добыть полторы тонны золота. Не знаю, много это или мало. Сейчас при добыче одной тонны шахтеры получают от десяти до четырнадцати тысяч рублей в месяц. Когда добудут две, их заработок увеличится до двадцати тысяч. Шахтеры - наиболее высокооплачиваемые. Остальные получают в среднем по пять-семь тысяч, но уже в двухтысячном году надеются получать по десять-двенадцать. Евгений Леонидович говорит об этом уверенно. Ему верят и потому не увольняются. На рудник устроиться трудно. Существует строгий отбор. Основное требование — профессионализм. Наибольшая нужда именно в шахтерах. Проект создавался, когда еще не было ручных минибуров, значительно облегчающих добычу. Поэтому работают по старинке — ручными перфораторами, а молодых тяжелый физический труд не прельщает.

Всего на руднике и фабрике трудятся около пятисот человек. Треть из Билибино, остальных возят по двадцать-сорок человек вахтовым методом из Магаданской и Свердловской областей, а также с Украины — из Кривого Рога. Привозят на срок от трех месяцев до полугода. Живут шахтеры в общежитии, прямо на руднике. Там есть столовая и все прочее, что позволяет жить и работать, не отвлекаясь. Край суровый, работа тяжелая,

деньги неплохие, отношение соответственное. Основную часть зарплаты

выдают перед отъездом, чтобы не пропили. Каральвеемского месторождения хватит на пятнадцать лет. За это время рассчитывают добыть тридцать две тонны золота. Но предприятие существование не прекратит. В десяти-пятнадцати километрах еще одно месторождение — Озерное. Даже оборудование перевозить не будут. Купят десяток самосвалов, скорее всего в Беларуси, и будут привозить руду.

Конечно же, меня интересовало: можно ли приехать, взять лопату, кирку, лоток, поковыряться, найти самородок, продать и уехать... в Париж?

Оказывается, нельзя. Евгений Леонидович говорит: арестуют, золото отберут, а самого посадят. Есть закон о недропользовании, и, прежде чем взять лопату, надо приобрести лицензию на добычу. Иначе это будет считаться «хищнической отработкой недр.» Стоимость лицензии зависит от запасов месторождения. Если намереваетесь добывать золото частным образом — есть понятие: «вольный принос», — надо прийти в Комитет по природным ресурсам и подать заявку. Эту заявку выставят на конкурс, а информацию об участниках опубликуют в газете. В то же время производится расчет, чтобы установить плату за пользование недрами. Допустим, вы собираетесь копать на участке, где золота на 20–30 килограммов. Такая лицензия будет стоить две-три тысячи долларов. Определяют сроки отработки этого месторождения, условия лицензирования и платежи в бюджет. Помимо прочего начинают проверять: серьезный ли вы человек, не больны ли психически, имеются ли механизмы или предпочитаете мыть лотком. Затем вас отправят в милицию, проверят на судимость и на благонадежность, и, если вы пройдете криминальную экспертизу, — можете брать лопату, лоток и идти мыть золото.

В договоре также сказано, что раз в десять дней вы обязаны сдавать намытое золото. Там же оговорена цена, по которой ГОК

его у вас купит. Если вы романтик-энтузиаст, ничего не понимающий, то едва ли что-нибудь заработаете. Еще и должником останетесь. Такое случалось. А опытный золотодобытчик может заработать за сезон и сто тысяч рублей, и двести. Но частники, как правило, лицензии не покупают. Их приобретают всевозможные товарищества и акционерные общества.

А что, если я, получив лицензию, возьму лопату, копну и обнаружу самородок, килограммов на десять? Куда идти?

Евгений Леонидович сказал, что такого самородка здесь еще не находили. Самый большой весил семь семьсот. И все-таки, если я найду такой же, то его у меня немедленно купят. За сколько? За семьдесят тысяч долларов, но с разными вычетами останется пятьдесят. Если же самородок представляет художественную ценность, напоминает чью-то голову, птицу или зверя — все зависит от воображения художественного совета при ГОХРАНЕ, — то такой самородок купит ГОХРАН.

Дорогой Б.З.! Как-то сообщали, что на одной из американских ферм объявилась пятнистая корова, левый бок которой имел окраску, в точности повторяющую карту Соединенных Штатов. Не было отбоя от туристов и политических деятелей. Сама же корова по всем статьям проходила уже не как рогатая скотина, а как произведение искусства с патриотическим уклоном, что ценилось особенно. Вот бы найти самородок, килограммов на восемь-десять, напоминающий левый бок этой коровы! Сколько бы мне отвесил за него американский ГОХРАН?

Войдя в мечтательный кураж, я спросил у Евгения Леонидовича, что будет, если, придя на рудник, я увижу кусок золота и положу его в карман? Ничего, говорит, не будет. Просто мне дадут пять лет строгача.

Золото крали и крадут, но сажают за это неактивно, и у директора ГОКа серьезные претензии к правоохранительным органам: то у них нет бензина, то кадрами не укомплектованы, то такие кадры, что лучше бы их не было... Как промсезон, у них

начинаются отпуска. Не то что золотом, они и цветными металлами не занимаются. Сколько его вывезли из района, пока наконец не издали приказ о запрете вывоза! Ну а если крадут золото, то, конечно, крупнячок, самородочки... Вывозят на материк. Покупают их в основном кавказцы. В Магадане, Сусумане, в Ягодном скупщики орудуют прямо на предприятиях. На золоте существует своя, особенная, мафия. Там и авиация, и автотранспорт: в зимнее время можно уехать на материк, прямо в Москву. Доехал по зимнику до Колымской трассы, а там на Якутию (с обязательным ударением на букву "и").

Вот что касается добычи золота. Я не собирался на этой теме останавливаться, но когда побывал на руднике... Какая Чукотка без золота!

«...въ конце пріисковыхъ работъ, землекопы получаютъ порядочныя деньги, но при ихъ необразованности, после утомленія целаго лета, получивъ на руки некоторую сумму, иные изъ нихъ считаютъ себя Крезами и потому позволяютъ себе немножко отдохнуть и погулять. Этотъ отдыхъ и гулянье, къ несчастію, бываютъ ужасно безобразны. Пьянство и разгулъ бываютъ едва вероятны: невежественные бедняки думаютъ вознаградить себя этимъ за труды и лишенія целаго лета. Нередко случается такъ, что рабочій, получившій за летнюю работу рублей сто, возвращается позднею осенью къ себе въ деревню вовсе безъ денегъ, оборванный и избитый».

Из книги А.Разина «Картины русской жизни. Золотые пріиски». С.-Пб., 1876.

Из книги Д.Мамина-Сибиряка, «У старателей»:

«— Старатель старателю розь, баринъ: который старатель съ семьей выходитъ на пріискъ, того не применишь къ одиночке. Эти намъ одиночки, бабы или мужики, вотъ где сидятъ! — проговорился старикъ, указывая на затылокъ. — Самый путанный народъ... Отъ нихъ много горя по пріискамъ. Все говорятъ про насъ, про стрателей, что мы и пьяницы, мы и воры... А это неправильно. Конечно, живемъ на людяхъ — грехъ-то не по лесу ходить — а все-таки грехъ греху розь.

— Но ведь стратели воруютъ хозяйское золото?

Старикъ внимательно посмотрелъ на меня и как-то нехотя ответилъ:

— Есть и такой грехъ, есть грехъ... Только, ежели разсудить его самое дело по правилу, старатель-то у кого, по-твоему, воруетъ?

— У хозяина пріиска.

— Вотъ и не угадалъ: у себя, баринъ, воруетъ... Вотъ ты и поди!.. да.. Возьми хоть какой пріискъ: Коренной, Желтухинскій, Копчикъ, Любезный, — кемъ дело держится? Старателями... Хозяинъ что? Хозяинъ заплатилъ по 15 к. съ сажени ренты, поставилъ контору — и все тутъ, вся ихняя заботушка. А старатель-то всей семьей робить-робить, колотится-колотится, а принесть сдавать золото — на, получай рупь восемь гривенъ за золотникъ, все твои. А хозяинъ-то сдаетъ это золото въ казну по пяти рубликовъ, значить, съ каждого золотника ему три рубли двадцать въ карманъ...

— Но ведь на пріисках не везде старательскія работы, а моютъ золото и машинами.

— Это только для отводу глазъ, для левизора, баринъ, — убежденно говорилъ старикъ. — Ведь поденщику заплати, а что онъ добудетъ — твои счастья...

А поденщина, известное дело, съ рук да съ ногъ: лопатку песку бросилъ да два раза оглянулся; старатель-то въ это время десять успеетъ бросить, потому какъ робить онъ на себя. Ужъ я тебе, баринъ, верно скажу: все эти левизоры да анженеры, хоть разорвись, а такой машины не придумаютъ, чтобы съ голоду робила...»

ПЕРВОЕ ЗОЛОТО ЧУКОТКИ

На Чукотке впервые представители горного надзора появились в связи с началом деятельности золотоискателей, которые в 1890 году прибыли на восточное побережье с Аляски (хребты Золотой, Пекульней). Начало геологического изучения края было положено в Анадырском районе экспедициями, снаряженными российским полковником В.М.Вонлярлярским. В 1902 году он передал свои права Северо-Восточному Сибирскому акционерному обществу, которое переуступило их американской компании «Пайнер Монинг Компани». В 1905 году горным инженером данной компании, французом Надо была обнаружена богатая россыпь золота (р.Первая Золотая, хребет Золотой). Через год компания завозит оборудование и ведет разведку в пределах долин рек Волчья и Колби. За это время Надо на прииске «Дискавери» было добыто и реализовано в Америке 173 килограмма золота. В период с 1911 по 1930 год в пределах Чукотки горные работы не производились, лишь чуть позже началась примитивная добыча угля для нужд пришлого населения.

Е.Хаджинов, начальник Чукотского
управления Госгортехнадзора

«Крайний Север», 3 декабря, 1999 г.

РЕШЕНИЕ О БЮДЖЕТЕ
БИЛИБИНСКОГО РАЙОНА НА 1999 год

Руководствуясь Законом ЧАО «Об окружном бюджете на 1999 год» N 15-ОЗ от 12.04.99 г., ст.22 Устава Билибинского района, Совет депутатов Билибинского района РЕШИЛ:

1. Утвердить бюджет Билибинского района на 1999 год по расходам в сумме 155 530 тыс. рублей и по доходам в сумме 95 530 тыс. рублей. Установить предельный размер дефицита бюджета района 60 000 тыс. рублей, или 38,6% к расходам бюджета района на 1999 год.

2. Утвердить расходы районного бюджета на 1999 год по ведомственной структуре расходов согласно Бюджетной классификации, утвержденной приказом Минфина РФ N1 от 6.01.98 г.

3. Утвердить оборотную кассовую наличность по бюджету Билибинского района на конец 1999 г. в сумме 4000 тыс. рублей...

В.ЖИРКОВ, председатель Совета
депутатов Билибинского района
М.ДОМОЖИРОВА, секретарь